

ГОЛОД 1931-1933 ГОДОВ В КАЗАХСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

В реестре истории человеческих потерь числится множество событий, в том числе и массовые эпидемии, и мировые войны, унесшие жизнь миллионов людей. В этом ряду и целая вереница трагедий голода, разразившихся в XX веке и отличавшихся всеохватывающей опустошительностью. Все дело в том, что можно было бы понять и объяснить причину таких катаклизмов, если бы в их основе лежали лишь природные стихии, войны и другие бедствия. Однако вся беда в том, что трагедия 30-х годов случилась во многом по вине правящего большевистского режима: в мирное время вследствие разразившегося массового голода погибли миллионы людей. Так случилось, что в результате большевистского эксперимента, предпринятого «на путях к социализму» с целью насильственно осчастливить свой народ, в начале 30-х годов XX в. в СССР население основных сельскохозяйственных регионов (в том числе и животноводческих, и зерносеющих), как Казахстан, Украина, Северный Кавказ, Поволжье и ряда других, оказалось застигнутым голодной смертью и большей частью было вынуждено бежать за их пределы.

Трагедия, произошедшая в Казахстане в период коллективизации, также как и голодомор на Украине, на Северном Кавказе*, в Поволжье и других регионах бывшего СССР, на долгие годы оставалась величайшей тайной КПСС и советского тоталитарного государства. Рассказы об ужасах и последствиях голода в Казахстане постоянно существовали в памяти народа, передаваясь из поколения в поколение. По рассказам уцелевших очевидцев назывались и основные причины трагедии и ее масштабы: засуха и неурожай 1931 г., а затем и 1932 г., усугубленные последствиями недорода урожая в предыдущие годы (1929-1930 – К.А.). Они совпали с нарастающими государственными заготовками скота и зерна, которые привели к массовому голоду и гибели населения.

В трудах историков, вышедших в разгар так называемой «хрущевской оттепели» и позже, о 30-х годах писалось, что в период сплошной коллективизации «в отдельных районах Казахстана наблюдались продовольственные затруднения», а отчаянное сопротивление населения перед голодной смертью, часто выливавшееся в вооруженные восстания и бунты, объяснялись «происками баев и кулаков», а сами выступления крестьян – «басмаческо-бандитскими». Впрочем они излагали то, о чем говорилось в официальных документах и сводках большевистского руководства ВКП(б) и директивных органов советского государства. Тем не менее, надо отдать должное таким исследователям как А.Б. Турсунбаев, Б.А. Тулепбаев, Г.Ф. Дахшлейгер и другим их современникам, воссоздавшим фактическую сторону событий, хотя и в другой концептуальной интерпретации [1]. Ценный фактический материал, содержащийся в их трудах в свое время активно вошел в научный оборот и во времена «холодной войны» часто использовался в качестве источника в работах западных оппонентов аграрной политики КПСС и советского государства. Безусловно, в своих исследованиях они не могли ставить в полной мере вопрос о фактах массовой гибели населения и вынужденного бегства его за пределы республики. В условиях всеобщего контроля КПСС и давления ее идеологических структур они не могли выйти за пределы «дозволенного» и винить их сегодня за это было бы некорректным.

Положение изменилось лишь в конце 80-х годов XX в., когда под давлением демократических перемен начали пересматриваться все прежние концептуальные подходы к освещению проблем национальной истории.

В ноябре 1988 г. Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР по инициативе его директора академика М.К. Козыбаева была созвана Всесоюзная научная конференция «Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы», в которой участвовали известные аграрники СССР В.П. Данилов (Москва), А.Б. Турсунбаев (Алматы), А.Ю. Ибрагимов, М.М. Пулатова (Ташкент), Т.Б. Балакаев, Ж.И. Куанышев (Алматы), Т.Д. Дуйшемалиев (Бишкек) и др. В ходе состоявшейся научной дискуссии были впервые поставлены вопросы о причинах перегибов и масштабах массовой гибели населения Казахстана в период коллективизации [2]. Это было началом большой работы по восстановлению объективной истории 20-30-х годов, долгое время остававшейся «белым пятном» на фоне всей истории XX века.

* В данном случае подразумевается Северо-Кавказский край, существовавшая как административно-территориальная единица в 1924-1937 гг. в составе РСФСР. В него входили бывшая Донская и Кубано-Черноморская области, Ставропольская и Терская губернии и территория нынешних северо-кавказских Автономных республик и областей.

В процессе дальнейшего изучения материалов, анализа и сопоставления событий выяснилось, что безжалостная ломка укладов и разрушение традиционной системы жизнеобеспечения казахов, а также отлучение их от корней национальной культуры, расстрелы непокорных, уничтожение элиты нации в лице представителей движения Алаш и Алаш-Орды, а чуть позже почти всей партийно-советской номенклатуры республики, – все это составные части единого процесса установления и укрепления тоталитарной советской системы, осуществленного путем большевистской аграрной революции в Казахстане, одновременно с индустриализацией и так называемой культурной революцией.

Поэтому для комплексного изучения причин массовой гибели населения в годы насильственной коллективизации, анализа решений, постановлений и законодательных актов советского государства, послуживших основанием для всеобщего террора над населением и политических репрессий 12 ноября 1991 г. Постановлением Верховного Совета Республики Казахстан была создана Парламентская комиссия. В ее состав входили народный депутат Верховного Совета Республики Казахстан М.К. Козыбаев (председатель), историки К.С. Алдажуманов, М.К.Койгелдиев, Т.О. Омарбеков, М.Ж. Хасанаев, Ю.И. Романов, правоведы Г.С. Сапаргалиев и другие, а также руководители министерств и ведомств, Генеральный прокурор, Председатель Верховного суда, Председатель КНБ республики, средств массовой информации.

Комиссия работала до декабря 1992 г., а ее итоговое Заключение опубликовано в печати. В ходе работы этой комиссии и позже на основе материалов ранее закрытых архивов было опубликовано огромное число статей, сборников, отдельные монографии (в том числе и по истории движения Алаш) [3]. Причем значительная часть их на казахском языке.

К сожалению, в публикациях на русском языке материалы казахской печати, в том числе отдельные фундаментальные исследования на казахском языке, фактически не получили никакого отражения. Такое положение продолжает сохраняться и поныне. Получается, что русскоязычные авторы находятся в неведении, что же публикуют их коллеги на казахском языке. Такая картина в свою очередь получила свое отражение в трудах зарубежных исследователей, которые по истории коллективизации и голода в Казахстане в основном опираются лишь на работы, опубликованные на русском языке, тогда как исследования, в том числе и источники на казахском языке, большей частью раскрывающие и составляющие суть проблемы, остаются за пределами их досягаемости.

В последние годы история насильственной коллективизации и массовой гибели населения в Казахстане в 1931-1933 гг. все больше становится объектом изучения, а порой и бурного обсуждения, причем не только среди специалистов, но и представителей общественности. Причину этого можно объяснить рядом факторов. В первую очередь сама проблема, оставившая в недавней истории народа весьма трагический след, не может не будоражить умы людей. Если к этому прибавить недостаток достоверной научной информации, то легко можно впасть и в заблуждение: как утверждают некоторые представители творческой интеллигенции, оказывается «до сих пор история голода 1931-1933 годов не исследована». К этому добавляют еще и голод 1921-1922 гг., суммируя число жертв этих трагедий до 4,5 – 5 млн человек. При этом их глашатаи не задумываются над тем, что в результате таких потерь этнос мог бы и исчезнуть, не сумев воспроизвести число жертв.

И это, несмотря на наличие ряда общеизвестных исследований, результаты которых нашли отражение в учебниках и обобщающих трудах по истории Казахстана. Кроме того, в наших средствах массовой информации, в особенности на телеканалах, постоянно муссируется вопрос о том, что, мол, историческая наука до сих пор не исследовала трагедию 30-х годов. В наше время, когда печатная продукция не доходит до читателя, а научная тем более, такие утверждения, безусловно, находят сторонников. В результате трагедия 30-х годов и голод 1921-1922 гг. в последние годы стала постоянной темой для отдельных кругов, пытающихся сыграть на национальных чувствах определенной части населения, хотя это ничего нового в изучение проблемы не внесло. Так поступили лидеры некоторых политических партий в ходе последней предвыборной кампании в Парламент Республики, провозгласив свое намерение непременно организовать изучение обстоятельств трагедии 30-х годов. Однако, выборы прошли, а обещания, данные избирателю, преданы забвению.

О причинах трагедии голода в СССР, в том числе и в Казахстане стали писать и зарубежные исследователи. Сегодня историки СССР и Казахстана в один голос отмечают работу Р.Конквеста «Жатва скорби» (The Harvest of Sorrow), опубликованной в 1986 году в разгар «холодной войны», написанной на основе мемуаров эмигрантов и записок диссидентов 60-70-х годов. Поэтому его исследование не могло быть свободным от идеологических оценок советской системы и соответствовало идеологии противостояния двух империй. Как определил период коллективизации исследователь «Жатвой скорби», в его работе о событиях этого периода в Казахстане мало сведений. Позднее вышла работа

М.Олкотт (США) о казахах, также вскользь упоминавшей о трагедии голода 30-х годов на основе сведений, исчерпанных из книги известного казахского ученого А.Б. Турсунбаева. Обе работы выходили в разгар «холодной войны» - в годы противостояния СССР и западных держав. Поэтому в них просматривается явный отпечаток той идеологии.

Сегодня известны работы И. Огайон (Франция), Н. Пианчиола (Италия), непосредственно опирающихся на местные материалы и получивших положительную реакцию обществоведов Казахстана [4].

Летом 2012 г. в связи с открытием мемориала жертвам голода 1930-х годов в Астане состоялась международная научная конференция. На нее был приглашен ряд ученых из дальнего зарубежья и стран СНГ. К сожалению, выпущенная к открытию конференции книга группы ученых Института истории государства под руководством профессора Б. Аягана «Правда о голоде 1932-1933 годов» оказалась лишь «дежурным» изданием, приуроченным к этой дате. Кто знаком с документами знает, что предпосылки голода сложились еще в 1929 г. Осенью, когда непомерные планы хлебозаготовок и неурожай усугубили положение, вызвав восстания в Батбакаринском, Бостандыкском, Тахтакупырском районах, не говоря о протестах более «мирного характера» в остальных местах республики. Так называемые «откочевки» из-за голода в Западном, Северном Казахстане начались еще в начале и весной 1930 г. Голод в Казахстане начался в 1931 г., о чем говорится ниже.

Как отмечалось выше, авторы некоторых зарубежных публикаций по СССР (Казахстан в них занимает незначительное место) писали свои исследования в соответствии с идеологией «холодной войны» и это до сих пор накладывает отпечаток на их труды. У нас в Казахстане за последние 20 с лишним лет сложился устойчивый стереотип в образе палачей Сталина и Голощекина, повинных в трагедии 30-х годов. Все это правильно. Однако до сих пор никто (ни казахстанские, ни зарубежные) ученые не ставили вопрос о том, что все это связано не только с внутренними причинами, внутренними предпосылками трагедии. Да, виноваты и «Злодей Сталин», и «Злодей Голощекин», и весь советский режим. Но советское государство существовало в пространстве и во времени. Поэтому этим авторам следовало бы говорить и о внешнеполитических, и внешнеэкономических причинах трагедии голода 30-х годов. История межгосударственных отношений СССР и Западных держав содержит много событий и фактов, доказывающих об экономической и политической блокаде СССР, наносившей огромный ущерб в конечном итоге положению простого населения. В сборнике «Голод в СССР. 1929-1934» (выпущены 3 тома), благодаря автору вступительной статьи В.Кондрашину, содержатся ценные сведения об экспорте хлеба из СССР в эти годы, торгово-экономических отношениях с США (дипломатические отношения США и СССР установлены лишь в 1933 г.) и другими странами. Все это служит основой внешних причин трагедии 30-х годов, к которому мы еще вернемся ниже.

Кроме того, есть факты и прямого вмешательства внешних сил на события в Казахстане. Так один из организаторов и активных вдохновителей широко известного Сузакского восстания Асадулла Ибрагим являлся агентом британской разведки, обосновавшимся после переброски его еще в период гражданской войны из Ирана через Закавказье в Самарканд, а затем в Сузак [5].

Основными причинами трагедии 30-х годов явились насильственное принуждение к коллективизации сельского хозяйства, отлучение земледельцев и животноводов от собственности, всенарастающие государственные заготовительные кампании хлеба, мяса и других сельскохозяйственных продуктов и сырья, как правило, сопровождавшиеся административным и судебным террором в отношении всего населения. Таким образом к внутривнутриполитическим причинам этой трагедии нужно отнести весь комплекс мер, принятых советским государством и Центральным Комитетом большевистской партии в области законодательства, управления экономикой и идеологией, направленных на ускорение темпов сплошной коллективизации крестьянских хозяйств одновременно во всех регионах страны, в том числе и в так называемых кочевых и полукочевых районах.

Безусловно, в причинах этой небывалой трагедии немаловажную роль сыграли и природные условия: в конце 20-х – начале 30-х годов засуха и неурожай поразили многие регионы СССР. В 1928-1929 гг. Зоной бедствия оказалась, как отмечалось выше, юго-западная часть Казахстана, в особенности Адаевский округ. Как изложено в одном из документов Полномочного представительства ОГПУ по Средне-Волжскому краю, в августе 1930 г. «в районы бывшего Оренбургского округа СВК, граничащие с Казахстаном, стала наблюдаться массовая перекочевка казахов ...». Причинами перекочевки «является засуха и неурожай в Казахстане» [6].

Как известно, причины и предпосылки трагедии 30-х годов берут начало с событий 20-х годов. В середине 20-х годов XX века происходили острые дискуссии о путях социально-экономического развития такой «ранее отсталой окраины» бывшей Российской империи, как Казахстан. Одной из них стал вопрос о промышленном строительстве в республике. Член бюро Крайкома ВКП(б), нарком просвещения республики С.Садвокасов тогда поднял вопрос о равномерном развитии различных отраслей

промышленности, включая и обрабатывающую. Таким путем можно было бы, по его мнению, преодолеть опасность превращения республики в сырьевой придаток союзного государства. Его статья «О националах и национальностях», опубликованная в порядке обсуждения в журнале «Большевик», вызвала жаркие дискуссии и подверглась осуждению.

Другим важнейшим вопросом была проблема развития аграрного сектора республики, в том числе и оседание кочевого и полукочевого населения, для чего необходимо было изучить земельные ресурсы для отвода оседающему населению. Тех руководящих партийно-советских работников республики из числа казахов в то время особо беспокоила еще и проблема бесконтрольного, нерегулируемого крестьянского переселения в Казахстан из других регионов СССР. В итоге, в апреле 1925 года V Всеказахский съезд Советов установил порядок землеустройства в республике, согласно которому в первую очередь наделялось землей казахское население, затем устройству подлежали только те переселенцы, прибывшие в край до 31 августа 1922 года. Прибывшие позже должны были устраиваться при наличии свободных земель. Такая установка не могла не вызвать жалобы в Москву, вследствие чего оказались виновными местные «националисты» [7]. А очередность в землеустройстве была отменена. Однако, все подготовительные работы по переводу так называемого кочевого и полукочевого населения на оседлость оказались пустой тратой средств. Вскоре наступившая кампания по массовой насильственной коллективизации крестьянских хозяйств оставила в тени проблему оседания кочевого и полукочевого населения.

Да и само определение «кочевое и полукочевое хозяйство (население)» сегодня выглядит анахронизмом. К сожалению, советские органы управления и ВКП(б) все свои действия, приведшие к трагедии, объясняли кочевым и полукочевым состоянием казахского населения. Этот евроцентристский подход в определении состояния казахского аула широко утвердился в советской историографии, господствует и в современных исследованиях. Методы ведения традиционного животноводческого хозяйства используются и сегодня, что отнюдь не предполагает непременно «кочевать за скотом». Во второй половине 20-х годов XX века лишь в таких отдаленных районах, как Мангистау, Табын и немногих других оставались хозяйства, которые меняли пастбища на относительно удаленных расстояниях. В остальных районах, считавшихся животноводческими, например, в Каркаралинском, Сырдарьинском и других округах, радиус кочевания составлял не более 10-30 км.

По данным переписи 1926 г. В республике 70% крестьянских хозяйств (семей) проживало в аулах-кстау (зимовках). Более 24% вели целиком земледельческое хозяйство, в 33,2% зафиксировано скотоводческо-земледельческое хозяйство, 38,3% занимались скотоводством. При этом радиус или расстояние, на которое скотоводческие хозяйства кочевали, по меркам прежних лет уже тогда стало минимальным: до 10 км (34%), до 25 км (15,2%), 26-50 км (9%), 51-100 км (7%), а свыше 100 км (4,2%). Число хозяйств, кочующих круглый год, составило всего 6% [8].

Поэтому необходимо отказаться от до сих продолжающегося большевистского утверждения, отрицавшего трансформацию большей части казахских кочевых и полукочевых хозяйств ко времени сплошной коллективизации.

Все дело с проведением коллективизации сводилось тогда лишь к их объединению в колхозы и сельскохозяйственные артели. Самое прискорбное в том, что силовые акции советской власти по коллективизации, сопровождавшиеся массовым изъятием скота и хлебопродуктов вскоре привели к гибели населения. Так, казахская интеллигенция, сопротивлявшаяся неправомерным актам большевистской власти, вскоре сама оказалась жертвой репрессий и «виновными» в наступившем голоде.

Данные нижеприведенных таблиц характеризуют динамику изымания скота и зерна у крестьян. Повальное изъятие средств к существованию в виде скота и других сельскохозяйственных продуктов уже в 1931 году привело к массовому голоду, вследствие чего произошло резкое уменьшение состава сельского населения.

Изъятие из Казахстана скота государством

Годы	Всего поголовья скота млн голов	План сдачи скота (голов)	Фактическое уменьшение (голов)
1929	44,7	156,3 тыс. голов	Свед. нет.
1930	29,6	2 млн 719 тыс.	12 млн
1931	8,6	4 млн 900 тыс.	21 млн
1932	5	3,6 млн	3,7 млн
1933	4,5	Свед. нет	Свед. нет
Всего		11 млн 356 тыс.	36 млн 7 тыс.

Остальные 3,5 млн голов исчезли вследствие убоя, угона беженцами и различных эпидемических заболеваний.

(По данным Спецархива КНБ РК, ЦГА РК, РГАЭ, РГАСПИ)

Несмотря на то, что Казахстан не относился к основным зерносеющим регионам СССР, ежегодно республика сдавала свыше 40 млн пудов зерна. Выполнение плана хлебосдачи было обязательным и, несмотря на массовую гибель населения от голода, центр строго регламентировал ход выполнения хлебазаготовок.

Валовый сбор зерновых по Казахстану

		Всего собрано млн пудов
В 1930 г.	7,3 ц с га	46,8
1931 г.	4,9 ц с га	44,2
1932	3,7 ц с га	40,8
1933 г.	4,2 ц с га	42,4

По данным НКЗ СССР (РГАЭ)

Хлебозаготовки (итоги по Казахской ССР)

	План, млн пудов	Сдано млн пудов
1929/1930 г.	41,1	37,8
1930/1931 г.	44,9	40,7
1931/1932 г.	50,5	40,4
1932/1933 г.	40	41

(По данным РГАЭ, РГАСПИ, ЦГА РК)

Как отмечалось выше, история голода начала 30-х годов XX века долгое время считалась одной из величайших тайн советского режима и КПСС. Кроме того, в советский период в трудах наших историков разрешалось отметить лишь продовольственные затруднения в отдельно взятых районах, имевших место по вине кулаков и баев, саботировавших те или иные «правильные» установки государства. Все это выявлено еще в ходе работы Комиссии 1991 года.

Ныне заключение работы комиссии известно, его итоговые данные вошли в учебники истории, обобщающие исследования. Безусловно, исследование проблемы этим не ограничивается. Поиски новых документов, новых свидетельств, ранее недоступных, до сих пор продолжаются.

Но, несмотря на то, что в свое время официальная комиссия определила число жертв в пределах 2 млн 200 тыс человек, разброс мнений продолжается. Кроме того, как отмечалось, хронологические рамки трагедии голода 30-х годов в некоторых случаях произвольно стали меняться. Здесь явно присутствует повтор или слепое следование исследователям из России и Украины, а также дальнего зарубежья, которые пишут о голоде в 1932-1933 годах в Украине, на Северном Кавказе и Поволжье, а также в ряде районов Белоруссии. Из-за незнания истории голода в собственной стране, не изучив материалы по первоисточникам, отдельные авторы допускают ошибки такого свойства.

Так в 2012 г. Институтом истории государства под редакцией доктора исторических наук, профессора Б.Г. Аягана и с его участием в качестве автора, издана выше упомянутая коллективная монография «Правда о голоде 1932-1933 годов» объемом 336 страниц на русском и казахском языках в одной книге. Громкое название книги, казалось бы, ко многому обязывало авторов. Однако на деле получилось совсем наоборот. Многие факты в ней не соответствуют действительности. Недостатки, компилятивность и другие грубые ошибки и неточности книги предмет отдельной рецензии. По-видимому для придания весомости или из-за желания под прикрытием нового «старшего брата» сгладить недостатки, книге предпослано краткое (полторы страницы) предисловие профессора Мельбурнского университета (Австралия), ныне работающего в одном из учебных заведений Астаны Стивена Уиткрофта.

Здесь лишь еще раз отмечу то, что голод в Казахстане начался еще в 1931 г. Джут, охвативший западную часть Казахстана, в особенности бывший Адаевский округ в 1929 г., не дав опомниться населению повторился и в 1930 году. Уже в середине 1930 года из ряда западных районов республики население начало откочевывать на территорию прилегающих областей Российской Федерации, о

чем свидетельствуют документы архивов. Вскоре такая же паника охватила население Кустанайского, Петропавловского округов. Начался голод в Каркаралинском округе. Засуха и неурожай 1931 года поразили почти все районы центрального, северного и восточного Казахстана, вследствие чего от голодной смерти, бегства за пределы республики сельское население Казахстана только в 1931 году уменьшилось более чем на 754 тысячи человек [9].

Когда отдельные авторы, специально не исследовавшие проблему, начинают называть нереальные цифры, считаю рациональной позицию одного из известных исследователей истории коллективизации и голода в Казахстане, историка Таласа Омарбекова, выразившего недоумение в декабре 2012 г. На научной конференции, посвященной истории голода 30-х годов: почему нынешние авторы не обращают внимание на материалы той комиссии, которые опубликованы. А заключение комиссии опубликовано на страницах печати, и как отмечалось выше, вошли в учебники.

На сегодняшний день мы оперируем данными, составленными еще по горячим следам в конце 30-х годов специальной службой на основе изучения первичных документов по районам бедствия: как это ни странно, за все годы коллективизации и голода объективную информацию о голоде и гибели населения давали только сотрудники органов ОГПУ. По их данным с 1930 по 1933 годы уменьшение численности населения республики составило более 2 млн 531 тысячи человек. Причем в документах отмечается, что «из-за отсутствия документации, волнений, восстаний и бегства населения эти данные являются неполными». Исходя из этих и других данных, комиссией в 1992 г. И была определена численность потерь в 2 млн 200 тысяч человек по республике.

Руководители местных партийно-советских органов, в особенности районного звена, зачастую старались сгладить острые вопросы и, видимо, из-за боязни потерять должность и ответственности за содеянное, правдивую информацию наверх не давали. В свою очередь налоговые органы давали наверх фальсифицированные отчеты о численности населения на основе исчисленных ими данных прежних лет.

Это объясняется еще и тем, что все бесчинства и произволы, творимые в республике с осени 1928 года в условиях так называемой «чрезвычайщины», были приписаны к местным «коллективизаторам». После статьи И.Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в «Правде» 5 января 1930 года, во всем были обвинены местные активисты, как их еще называли «лжеактивисты» («шолак белсенді»). После постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» многие из них были репрессированы, а некоторые покончили жизнь самоубийством. Такое лицемерие не прошло даром. Поэтому необходимо синхронное изучение действий всех структур власти и партийно-советской номенклатуры, причастной к силовой коллективизации.

Все, что творилось в тот период в казахских аулах, до сих пор поражает читателей своей абсурдностью, жестокостью. По методу комитетов бедноты начала 20-х годов, большевистская власть противопоставила одну часть населения другой: бедняков к середнякам и зажиточным. А вообще все это затевалось для выкачивания из аула и деревни необходимых ресурсов. Для проведения широкомасштабной индустриализации нужны были средства. А строящиеся объекты от Норильска и Комсомольска-на Амуре на Дальнем Востоке, до ДнепроГЭСа и Запорожстали на Западе, до предприятий, строящихся на Кольском полуострове на севере СССР и их трудовые ресурсы требовали обеспечения продовольствием и хотя бы необходимым товаром повседневного спроса.

В условиях экономической и политической блокады СССР, западные державы отстаивали свою позицию. Лишь такие предприниматели, как Арманд Хаммер из США и незначительное число западных стран, в том числе Германия, вели торгово-экономические отношения с СССР. Поэтому необходимо учесть и внешнеполитические и внешнеэкономические причины этой трагедии для всего СССР. Еще раз подчеркиваю факт: США установили официальные дипломатические отношения с СССР только в 1933 году.

Соперничество СССР, как государства с иным политическим и социально-экономическим строем, в 20-30 годы неоднократно приводило к различным конфликтам, что вызывало резкую реакцию во многих странах, в первую очередь ведущих западных держав. Как известно, несмотря на угрозу голода, наступавшего в собственной стране, в 1930-1931 гг. СССР вывез на мировой рынок огромное количество дешевого колхозного зерна, по-существу отобранного у крестьян за бесценок. Это послужило еще одним обостряющим мировой кризис фактором, наступившего с 1929 г. Со своей стороны западные державы еще больше ужесточили отношение к СССР. В июле 1930 г. США стали инициатором экономической блокады СССР, поддержанной рядом европейских стран. В ответ на это СССР сократил закупку товаров из этих стран, которая переросла в экономическую войну, продолжавшейся до 1932 г. [10].

Если внимательно разобраться во всем этом, то четко просматриваются такие внешние факторы общего характера и внутренние причины, вытекавшие из общей природы большевистской власти и всей ее системы. Поэтому трагедию 30-х годов надо рассматривать в увязке с внешней политикой СССР.

Когда в казахских степях тысячами умирали люди или вынуждены были бежать за пределы республики, в Казахстан перевозили ссыльных кулаков с семьями. В 1931 году, когда начался массовый голод в Центральном Казахстане отвели земли для устройства 180 тыс. человек. Всего за 1931-1934 годы в Казахстан переселено 365 тыс. человек из внутренних областей РСФСР, Украины и Белоруссии.

В архивах Москвы автору удалось обнаружить документы, рассказывающие о районах миграции казахов-голодобеженцев: так по данным ГАРФ, РГАЭ и других архивов география их миграции простиралась от Камчатки до Северного края (Архангельск), от Владивостока до Днепропетровска и Запорожья, не считая города и районы Сибири, Нижней и Средней Волги и Зауралья, Узбекистана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, далее Китая, Афганистана и Ирана. Более 1 миллиона человек оказались в числе голодобеженцев. Из них лишь чуть более 400 тысяч возвратились позже в республику. А сколько их погибло в местах миграции установить невозможно, хотя об этом существуют отдельные документы.

В 1992 году 30 мая в газете «Егеменды Казахстан» опубликована моя статья, написанная совместно с историком Ж. Абылхожиным, где мы охарактеризовали эту трагедию как этноцид. Действительно, если рассмотреть весь процесс в целом, то четко обозначены районы с преобладающим казахским населением, где погибло или оказалось в числе беженцев от 50 до 85% населения, проживавшего там на 1 января 1929 г. Последствия трагедии сказались не только на численности коренного этноса, но и привели к сужению сферы казахского языка, традиционной национальной культуры и т.д., которые до сих пор стоят на повестке дня. Поэтому все это дало основание оценить эту трагедию как **этноцид**.

Наши российские коллеги долгое время не упоминали и, видимо не считали нужным, писать о казахстанской трагедии. Только когда украинские историки и общественность стали требовать признания трагедии голода в Украине как геноцида, наши российские коллеги стали писать, что, мол, голод в 30-е годы был не только в Украине, но и на северном Кавказе, в Поволжье, а также и в Казахстане. Надеемся, что эта трагедия найдет объективное отражение в 10-томной «Истории России» готовящейся к печати, поскольку Казахстан в тот период в качестве Автономной республики входил в состав Российской Федерации.

В эти годы население Казахстана не безмолствовало. Произвол и бесчинства власти вызвали ответную реакцию населения.

Начиная с осени 1929 г. По 1932 год фактически территория республики находилась в состоянии гражданской войны. Около 380 крупных восстаний и эксцессов, а также многочисленные бунты и мятежи охватили свыше 80 тысяч человек по всей республике. Политика власти вновь после 20-х годов открыла широкую дорогу такому явлению как социальный бандитизм.

Все выступления граждан подавлялись силами регулярных войсковых частей и отрядов.

Безоружные крестьяне, выразившие протест произволу и бесчинству часто становились жертвами войсковых отрядов. Так во время подавления Иргизского и Каракумского восстания (восточный регион Приаралья) в 1930 г. Только в одном случае эскадрой 8-кавдивизии, дислоцированной в Оренбурге, было расстреляно и зарублено 250 человек. Оказалось, что это безоружные крестьяне, вынужденные бежать от бесчинств и произвола властей и передвигавшиеся со своим скарбом и небольшим количеством уцелевшего скота. Командир эскадрона Рязанов никакого наказания не понес. Лишь его сослуживцы морально осудили его поступок.

Другой пример: во время подавления восстания в Сузакском районе убито 194 человек, большинство которых к повстанцам отношения не имевшие. В 1931 г. во время подавления восстания «вКаркаралинском районе сотрудник оперативного сектора ОГПУ Иерусалимов ликвидировал 17 человек» [11]. Причем в документе указаны фамилии всех расстрелянных. Таких примеров можно привести множество.

В истории голода 1930-х годов и его последствиях немаловажную роль занимает обустройство голодобеженцев. По определению партийно-советской бюрократии бегство населения от голодной смерти в официальных документах получило название «откочевочное движение (или откочевники)». Таким образом, голодное бегство людей от произвола и смерти прикрывалось традиционным названием – кочевничество, хотя, как отмечалось выше, к началу массовой коллективизации эта форма хозяйствования претерпела трансформацию. Получилось так, что формально (фактически) созданный правительством и Крайкомом ВКП(б) Комитет по обеспечению оседания кочевого и полукочевого населения одновременно с коллективизацией, после бегства от голода населения, приобрел совершенно иной

смысл, вынужденно занимаясь обустройством голодобеженцев, в тоже время называясь по-прежнему «Комитетом оседания». Результаты исследования последних лет предполагают, что необходимо пересмотреть ряд устоявшихся в историографии подходов к изучению трагедии 30-х годов. Масштабы трагедии настоятельно требуют того, что в определении ее причин необходимо предусмотреть комплексно все внутренние и внешние (экономические, политические и социальные) факторы. Одновременно используя синхронные методы исследования, изучить деятельность всех властных структур (местных и центральных) и персонажей, причастных к реализации большевистской аграрной революции 30-х годов. На основе принципов диахронных исследований необходимо изучить состояние и так называемых кочевых и полукочевых хозяйств накануне и в период коллективизации, а также таких органов, как Комитет оседания.

Все это требует нового переосмысления, что способствовало бы восстановлению объективной истории голода 1931-1933 годов в Казахстане.

Литература

1. Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. - Алма-Ата. Казгосиздат. – 1957. - 326 с.; Его же. Колхозное крестьянство Казахстана. - Алма-Ата. Казгосиздат. 1960. - 256 с.; Его же. Казахский аул в трех революциях. - Алма-Ата. Казахстан, 1967. - 483 с.; Түлепбаев Б.А. Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. – Москва: Наука, 1971. - 482 с.; Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1965 и др.
2. Коллективизация сельского в республиках в Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы. - Алма-Ата: Ғылым. - 1990. - 200 с.
3. Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931-1933 гг. Сб. документов и материалов / Вступ. статья и сост. К.С. Алдажуманов и др. - Алматы. Фонд «XXI век». - 1998. - 263 с.; Нәубет. - Алматы. Жалын. - 1990. - 448 б.; Қозыбаев М.Қ., Алдажуманов Қ.С., Әбілхожин Ж.Б. Қазақстандағы күшпен коллективтендіру: қорлық пен зорлық. - Алматы. - 1992. - 36 б.; Омарбеков Т. Зобалаң. – Алматы: Санат. - 1994. - 272 б.; Жұмағұлов Б.С. Кеңес өкіметінің аграрлық саясаты және Адай көтерілісі (1922-1933 жж.): т.ғ.к. ... дисс. – Алматы: Абай ат. АМУ, 1999. – 161 б.; Байқадамов Н.С. Сырдария округіндегі күштеп ұжымдастыру және шаруалардың қарсыласу қозғалысы (1928-1932 жылдар): т.ғ.к. ... дисс. – Алматы: ТЭИ, 2001. т.б.
4. Ohayon Isabelle. La sedentarisation des Kazahs dans in RSS de Staline. Paris.2006. 416 p.; Niccolo Pianciola. Famine in the steppe. / Cahier du Monde Russe, 45/1-2, janvier – juin 2004. – P. 137-192.
5. Спец. Архив КНБ РК. Материалы Сузакского восстания; Алдажуманов К.С. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: история и судьбы. - Алматы. Арыс. 1998. – С. 69.
6. Кондрашин В.В. Предпосылки и начало сталинского голода (1929-1932 гг.) // Голод в СССР 1929-1934. Том. 1. 1929 – июль 1932. Кн. 1. - Москва. МФД. 2011. - С.10-52.
7. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. - Алма-Ата: Наука. 1965. - С.285-286.
8. Дахшлейгер Г.Ф. Указ.соч., с.309; ГАРФ. Ф.8449, оп.14, д.19, л.44.

9. Қозыбаев М.Қ., Алдажұманов Қ.С., Әбілқожин Ж.Б. Қазақстандағы күшпен коллективтендіру. – Алматы: ТЭИ. - 1992. - 31-б.

10. Терещенко Ю.Я. История России XX – начала XXI вв. – Москва: АСТ: Слово. - 2010. - С.192-193.

11. Алдажұманов К.С. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: история и судьбы. - Алматы. Арыс. 1998. – С.91; Спец. Архив КНБ РК.